

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС ДРАМАТУРГИИ

Его жизнь и деятельность — патриотический подвиг истинно народного писателя. Развивая реалистические традиции Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Островский своим творчеством завершил создание русского национального театра, который стал подлинной школой для целого ряда поколений выдающихся русских актеров. П. М. Садовский, А. Е. Мартынов, С. В. Васильев, П. В. Васильев, М. Н. Ермолова, П. А. Стрепетова, М. Г. Савина — все они воспитывались и сценически росли на его глубоко народных пьесах.

А. Н. Островский, являясь крупным общественным деятелем, отдавал все свои силы тому, чтобы улучшить постановку театрального дела в России. Так, его статья «Обстоятельства, препятствующие развитию драматического искусства в России», ратует за искусство реалистическое, глубоко народное. Он борется за такую драматургию, которая должна приносить пользу общему делу освобождения России от нищеты и невежества. А начиная с 1869 года, Островский подает в дирекцию императорских театров многочисленные докладные записки, которыми, к сожалению, высокопоставленные особы явно пренебрегали. Он организует в Москве в 1865 году «Артистический кружок», который во многом способствовал развитию актерской культуры и выявлению молодых артистических талантов. А созданное им в 1874 году «Общество русских драматических писателей» значительно улучшило положение писателей-драматургов и содействовало поднятию уровня отечественной драматургии.

Воздействие Островского на театральное искусство не ограничилось рамками одного только русского театра. Его влияние

150 ЛЕТ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
А. Н. ОСТРОВСКОГО

из года в год росло и ширилось. Творческие принципы Островского нашли свое дальнейшее развитие в драматургии Армении, Грузии, Украины, Татарии. У нас в Белоруссии наиболее ярко влияние Островского проявилось в творчестве Кондрата Крапывы.

Как писатель и общественный деятель А. Н. Островский сформировался под воздействием острой социально-политической и философско-эстетической борьбы 40-х годов. Освободить Россию от нищеты и отсталости и вывести ее на свободный путь исторического прогресса — вот основной принцип, которым руководствовался в своей деятельности и писатели-революционеры, и писатели так называемого либерального лагеря, к которому относится и великий русский драматург А. Н. Островский.

Его пьесы — широкая панорама русской жизни 40—80-х годов XIX века. Островский стремился откликнуться на насущнейшие вопросы своего времени, писать прежде всего о том, что затрагивало и волновало самые обширные массы людей. Он карал судом народной правды властителей «темного царства», бичевал их гневной сатирой. Во имя утверждения нового и благородного он отрицал все старое, отжившее.

А. В. Луначарский на лекции в Коммунистическом университете отмечал, что язык пьес Островского «не только выразителен и гибок... этот язык певуч и звучен... Он афористичен. Таким языком никто с тех пор не писал».

В. ЛОКУН.

В Москве, на территории бывшего церковного двора по Голицыновскому переулку, на углу Малой Ордынки, сохранился и теперь уже сохранился на века двухэтажный деревянный домик № 9, на стене которого виднеется скромная мемориальная доска: «В этом доме 12 апреля н. с. 1823 года родился и жил великий русский драматург Александр Николаевич Островский».

Прошло чуть более века с этой даты, и в той же Москве, на площади Свердлова, у фасада здания Малого театра был поставлен памятник работы скульптора Н. А. Андреева: на невысоком гранитном постаменте в бронзовом кресле сидит бронзовый Островский, задумчивый, русский, бессмертный... Почти полвека исполнилось сегодня бронзовому Островскому и 150 лет — живому. Живому, потому что время теперь не имеет для него значения. Времени он неподвластен.

История оставила название великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома; такие произведения со временем делаются понятными и ценными и для других народов, а наконец и для всего света». Эти слова, сказанные А. Н. Островским, давно уже справедливы и в полной мере относятся к нему самому.

Свыше 500 лет действует в пьесах Островского — целый мир человеческих характеров. Ни один театральный сезон не открывался в Москве без его новой пьесы, а иногда и двух пьес. Всесторонне образованный русский писатель, в совершенстве знавший латинский, греческий, французский, немецкий, английский, итальянский и испанский языки, он высоко ценил классическую мировую драматургию и являлся автором прекрасных переводов трагедий и комедий Шекспира, интимной Сервантеса, комедий Гольдони. Но, главное, он был первым русским драматургом, написавшим не одну и не две пьесы, а создавшим целую серию выдающихся драматических произведений. 47 его пьес составили целую эпоху в развитии отечественного театра и сказали свое, новое слово в ми-

НЕПОДВЛАСТНЫЙ ВРЕМЕНИ

ровой драматургии. Принято говорить: «драмы Пушкина», «комедии Гоголя», но — «театр — Островского».

В то время, как многие современные ему писатели жаловались на то, что во всей русской действительности нельзя найти материала для воплощения его в драматической форме, Островскому для половины своих пьес с избытком хватало жизни одного Замоскворечья, жизни особого, купеческого мира, земли «по ту сторону Кремля». Первый же своей пьесой он расколол Москву на два лагеря. Одни восторженно приветствовали его, а другие... «Кто Островский, сочинитель пьесы? Свои люди — сочтемся?» — обеспокоенно спрашивал Николай I, собственноручно налагая на комедию следующую резолюцию: «Напрасно печатано, играть же запретить...». И рекомендовал взять сочинителя «под наблюдение полиции».

Что ж, Николай I, как и те, кто острепал ему доносы на Островского, знал, что делал. В 1847 году, прежде чем быть напечатанной в журнале «Москвитин», эта пьеса под названием «Банкрот» читалась автором в доме издателя журнала М. П. Погодина. Островский волюнтарно: присутствовали В. Ф. Одоевский, С. П. Шевырев, а когда чтение уже началось, в комнату вошел Н. В. Гоголь. Он слушал очень внимательно, стараясь не пропустить ни одного слова. Впечатление пьесы произвело огромное. Шевырев торжественно сказал: «Поздравляю вас, друзья, с новым драматическим светилем в русской литературе!». Знаменательные слова произнес на том же вечере у Погодина В. Ф. Одоевский: «Я считаю на Руси три трагедии: «Недоросль», «Горе от ума», «Ревизор». На «Банкроте» я поставил номер четвертый».

Действительно, творчество Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Островского — это путь развития русской драмы. Но вспомним о том, что во времена Ост-

ровского она переживала упадок даже в тех своих достижениях, которые имела. На сцене господствовали французские водевили и сентиментальные русские мелодрамы. Островский заседал хлебом чертополоховое поле. Даже названия его пьес — «Не в свои сани не садись», «Бедность — не порок», «Старый друг лучше новых двух» — противостоят тем перлам, которые разукрашивали театральные афиши в сороковых-пятидесятых годах прошлого века: «Новинки в любви», «Муж, достань мне собачку», «Жених, чемодан и невеста», «Волшебный нос, или талисман и финиш», «Муж в дверь, жена в Тверь»... Мудрость русской половицы вытеснала игривый французский анекдот.

25 января 1845 года Малый театр показал «Бедность — не порок». У зрителя-разночинца постановка пьесы вызвала такой возглас: «Шире дорогу... Правда по сцене идет!».

На премьере «Не в свои сани не садись», по свидетельству современников, «первыми появилась на сцене героиня в ситцевом платье и гладкой прическе: до тех пор кисей, шелк и французская прическа были обязательными принадлежностями главных ролей».

Такие факты можно называть и называть... Островский был не просто «писателем для театра», он был в широчайшем смысле этого слова театральным деятелем. Он был режиссером постановок своих пьес и ни до него, ни после него не было драматурга, который бы так много и терпеливо трудился над сценическим воплощением собственных произведений. Он — великий труженик театра, в котором для него не существовало черновой работы. Театральный критик, который даже речи на обедах в честь актеров превращал в программы дейст-

Огромен драматургический талант Островского. Огромна та сила, с которой изображает он мир, где господствуют день-

ги, где все продажно: ум, честь, талант, красота, искусство. Но есть и другой мир Островского, о котором, к сожалению, мы так часто забываем, ассоциируя имя драматурга только с пьесами о мрачных толстокожих Кабанихах да окладистобородых, меднолобых Диких. Этот мир — поэзия Островский — автор «Снегурочки», «поэт, и большой поэт, с настоящей хрустальной поэзией, какую можно встретить у Пушкина»...

Но откуда он, этот мир? Не из купеческих же лабазов Замоскворечья.

Из Москвы в Щелыково ехать через город Загорск, Александровск, Иваново, Кинешму. Если добираться поездом и затем автобусом, то можно доехать за полдня, а если «на перекладных» через Переяславль, Ростов, Кострому, то на эту трехсотверстовую дорогу нужно без малого десять суток. Так каждый год в начале мая добирался в свое Костромское имение А. Н. Островский.

В 1848 году, приехав сюда впервые, он записывает в дневник: «Настоящее Щелыково настолько лучше воображаемого, насколько природа лучше мечты. Дом стоит на высокой горе, которая справа и слева изрыта такими восхитительными оврагами, покрыта кудрявыми сосенками и липами, что не выдумаешь ничего подобного». И через два дня: «Каждый пригорок, каждая сосна, каждый изгиб реки — очаровательны, наводя мушкетерскую физиономию, значительна (я пошел, не видя еще), и все это ждет кисти, ждет жизни от творческого духа. Здесь все вопиет о воспроизведении...».

Так не отсюда ли он, сказочно поэтический, удивительный мир русской природы в пьесах Островского? Не эта ли усадьба описана в «Лесе» и «Воспитаннице»? Не на этих ли лесных дорогах встретились Счастливцев и Несчастливцев? Не к этому ли пруду бежала, неходя силы жить, Аксюша? Не на этом ли Галицом транте

притаился среди леса постоянный двор Ермолая Бессудного? Не эта ли — Ярилина долина и не здесь ли собирались на свой праздник сказочные жители лесов берендей?..

Да, все это здесь. Здесь рождались и отливались в бессмертные образы его самые поэтические замыслы. 24 года подряд приезжал он в Щелыково. И каждое лето здесь было для него тем же, что Болдинская осень для Пушкина. Здесь написана треть его лучших произведений и здесь, за письменным столом, самим сконструированным и построенным, он умер. На столе остались лежать неоконченная рукопись перевода шекспировской трагедии «Антоний и Клеопатра»...

Широк мир Островского. Земля — этот мир.

Он видел жизнь полно и глубоко, во всех ее состояниях от ужасного к прекрасному, и так же полно и глубоко нам следует его понимать. Понимать его творчество и его самого, живого человека, которого невозможно заключить в классические рамки школьных хрестоматий. Он осознавал свой великий талант и говорил: «Моя задача — служить русскому драматическому искусству...» И он обожал собирать и дарить цветы, и с каждой прогулки приносил домой свежий букетик ромашек...

Сегодня, кто говорит: театр, тот говорит: Островский. Потому что представить историю развития нашего театра без драматургической и режиссерской деятельности Островского попросту невозможно. Он стоит у его истоков. Он — предтеча Немировича-Данченко и Мейерхольда. И когда мы говорим: система Станиславского — мы помним, что корни ее все те же: творчество и деятельность Островского.

«Национальный театр», — писал А. Н. Островский, — есть признак совершенности нации, так же, как и академии, университеты, музеи... И всю свою жизнь отдав служению этому театру, он продолжает ему служить и сегодня, в день своего 150-летия. Продолжает служить литературе, всему нашему искусству. Служить современности и будущему.

Вл. НЕКЛЯЕВ.